

СТАТЬИ

УДК 811.511.151'373.21 + 811.511.13'373.21

А. Л. Пустяков

К ПРОБЛЕМЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ МАРИЙСКИХ И ПЕРМСКИХ ТОПОНИМОВ В ВЕТЛУЖСКО-ВЯТСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

В статье представлен анализ топонимов Ветлужско-Вятского междуречья, имеющих в своем составе лексемы, которые могут быть соотнесены как с марийскими, так и с пермскими языковыми данными. В работе рассматриваются продуктивные в топонимии региона лексемы *шӱр*, *важ* ~ *вож*, а также анализируются некоторые названия с компонентом *вад* / *вод* / *вот*. В ходе исследования выявляется языковая принадлежность топонимов с указанными компонентами, предлагаются возможные этимологии основ, детерминантов и названий в целом. Одновременно с этимологическим анализом в публикации демонстрируется значимость некоторых общих и частных принципов топонимологии для разграничения марийских и пермских топонимических фактов в Ветлужско-Вятском междуречье. Согласно результатам исследования, среди топонимов с компонентом *шӱр* обнаруживаются названия как с марийскими, так и с удмуртскими истоками, последние сконцентрированы на северо-востоке Республики Марий Эл и в сопредельных районах Кировской области. Тополексема *вож*, как показано в статье, не была активна в удмуртской топонимии в период пребывания удмуртских родоплеменных групп в правобережье Вятки. Для ряда топонимов с компонентом *вад* / *вод* / *вот*, которые традиционно объяснялись на основе коми языка, автором установлены другие возможные языковые источники.

Ключевые слова: марийский язык, пермские языки, субстрат, топонимия, Ветлужско-Вятское междуречье, Марий Эл, Кировская область, этимология.

1. Введение

Вопрос о пермских топонимах на территории Марий Эл ставился в целом ряде работ марийских и удмуртских топонимистов. Несмотря на то, что данная проблема неоднократно освещалась исследователями, решалась она пока все же на примере единичных и разрозненных фактов. По этой причине далеко не все предлагаемые исследователями этимологии топонимов и основанные на них выводы этногенетического порядка можно признать успешными. Топонимы Марийского края, особенно этимологически затемненные, нуждаются в системном анализе.

2. Объект исследования и история изучения вопроса

Работа выполнена в рамках исследования пермской топонимии Ветлужско-Вятского междуречья. Применительно к данному региону в статье делается попытка анализа топонимов, имеющих в своем составе компоненты, которые могут быть соотнесены как с марийскими, так и с пермскими языковыми фактами.

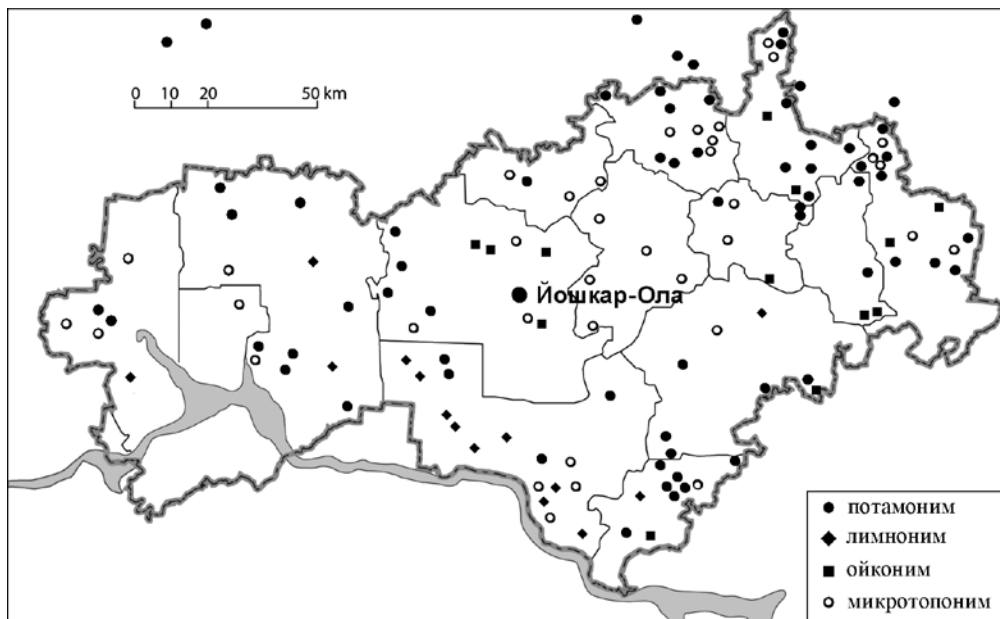
В настоящей работе рассматривается, во-первых, несколько апеллятивов и основ, которые в марийском и пермских языках близки или тождественны по семантике и фонетическому оформлению: *шVр* (марЛ *шор* 'заболоченное место, болото без кочек', марГ *шараш* 'весенняя стоячая вода в овраге', удм. *шур* 'река, речка; ключ, родник'); *вож / важ* (марЛ *вож*, марГ *важ* 'корень, источник; исток; ответвление', в топонимии также 'приток', 'место слияния нескольких ответвлений рек', удм. *вож* 'устье реки; перекресток, перепутье'). Во-вторых, анализируются некоторые основы, фонетически схожие с коми лексемой *вод* 'лесное озеро': *вод* (< мар. *одо* 'удмурт, удмуртский'), чув. *вутланнй* 'сожженный'. Анализу сопутствует выявление приемов разграничения марийских и пермских топонимов в Ветлужско-Вятском междуречье.

Наличие пермских названий на территории Республики Марий Эл и в сопредельных районах Кировской области признается большинством исследователей, изучавших топонимию данного региона.

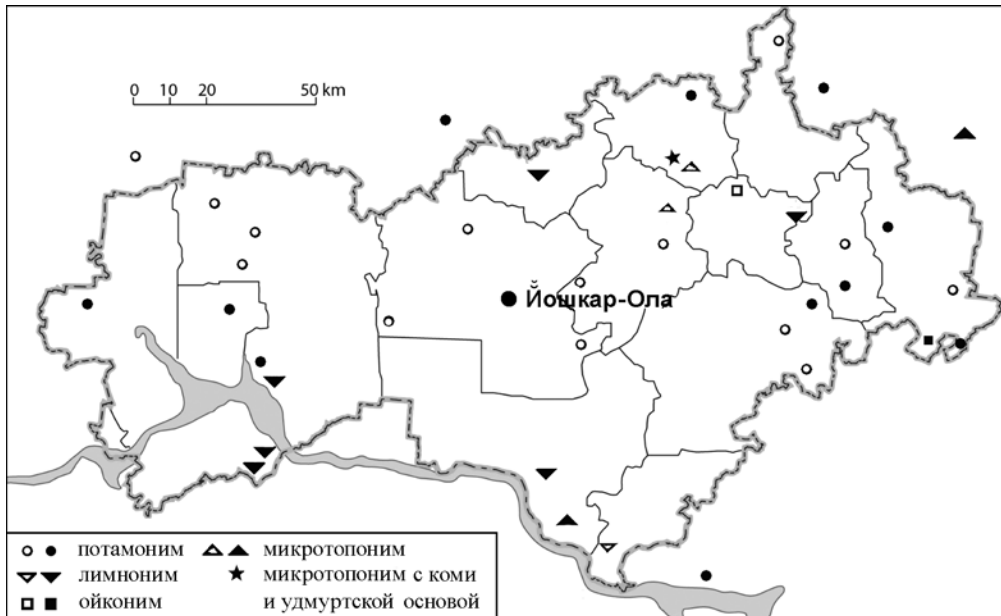
Первые научные работы, в которых освещается вопрос о пермских топонимах, написаны еще в 1960-е гг. и принадлежат известному марийскому топонимисту И. С. Галкину [1965; 1967]; в дальнейшем, работая над исследованием марийской топонимии, он еще не раз касался проблемы пермского субстрата в Марий Эл. Некоторые работы А. Н. Куклина посвящены анализу субстратных топонимов, имеющих пермские элементы [Куклин, 1987; 1998; и др.], а также исследованию удмуртско-марийских параллелей [Куклин, 2002]. В целом марийскими топонимистами признается наличие на территории Марий Эл пермских названий: часть из них этимологизируется лишь с привлечением коми лексических и топонимических данных, что, в частности, наводит на мысль о пребывании на указанной территории прапермских племен. И если в первых своих исследованиях И. С. Галкин писал о пребывании коми племен на северо-западе и удмуртских племен — на северо-востоке Марий Эл [1965, 33–34], то, согласно более поздней

масштабной работе «Топонимика Республики Марий Эл» [ТРМЭ], названия, объясняемые с привлечением коми и удмуртских данных, распространены на всей территории Марий Эл. При этом по всей территории фиксируются топонимы как с коми, так и с удмуртскими элементами, хотя в количественном отношении первые значительно преобладают (см. карты 1, 2). Подобная дистрибуция топонимов заставляет усомниться в верности предложенных в словаре этимологий [см. также: Смирнов, 2013, 12].

М. Г. Атаманов, оперируя данными этнотопонимии, а также антропологии, этнографии и археологии, дает свои заключения относительно древней территории пребывания удмуртских племен: «...бассейны рек Вятки, среднего и нижнего течения Белой и Камы, а также лево- и правобережные притоки среднего течения Волги были местом жительства древнеудмуртских родоплеменных групп» [Атаманов, 2011, 55]. Некоторые выводы, сделанные в данной работе, вызывают возражения у других исследователей. Так, С. К. Белых отмечает, что М. Г. Атаманов не использовал всех возможностей метода лингвистической палеонтологии, и указывает на то, что «исследователь порой явно увлекается, придавая, к примеру, неоправданно большое значение в вопросе локализации “прародины удмуртов” этнотопонимам *одо*, *ар*, *вотьяк*, странным образом связывая ареалы их распространения с территориями южной части ананьинской и пьяноборской АК (археологическая культура. — *А. П.*) эпохи раннего железа» [Белых, 1999, 248–250]. Действительно, в настоящее время этноним *одо* служит для обозначения удмуртов, но мы не имеем

Карта 1. Дистрибуция топонимов, объясняемых из коми языка [по ТРМЭ]

Карта 2. Дистрибуция топонимов, объясняемых из удмуртского языка или из удмуртского и коми языков [по ТРМЭ]¹

точных сведений о том, к какому народу данный этноним прилагался раньше, насколько этот народ отличался (если отличался) в языковом отношении от предков современных удмуртов. Конечно, для воссоздания более полной картины следовало бы использовать, помимо этнопонимов с вышеназванными основами, также и другие классы топонимов удмуртского происхождения.

Подход М. Г. Атаманова вызывает и другие замечания. Например, по его данным, в Ветлужско-Вятском междуречье насчитывается более 20 топонимов, содержащих в своем составе этноним *одо* (в том числе в Вологодской, Костромской и Нижегородской областях): *Одинер*, *Одошнур*, *Одошнурский*, *Одошчино*, *Одуево* при р. Сухоне, *Никольско-Одоевское*, *Одоевское городище* на р. Ветлуге, *Троицко-Одоевское* и др. [Атаманов, 2005, 20]. Следует отметить, что отдельные топонимы этого ряда вторичны по происхождению (например, *Одошнурский* < *Одошнур*), т. е. не могут считаться непосредственными этноязыковыми маркерами. Кроме того, некоторые из приведенных топонимов (*Одуево*, *Никольско-Одоевское*, *Троицко-Одоевское*) могут восходить к антропонимам и не иметь ничего общего с этнонимом *одо*. Подобные неоднозначные факты полностью исключать не следует, поскольку они могут быть результатом активной русской адаптации, однако

¹ Топонимы, основы которых имеют соответствия как в удмуртском, так и в коми языке, обозначены полными геометрическими фигурами, удмуртские по происхождению топонимы — неполными.

более надежные топонимы с топоосновой-этнонимом *одо* представлены на севере и северо-востоке Марий Эл, а также на юге Кировской области.

В последние годы интерес к рассматриваемой проблеме проявляют и другие исследователи [см.: Rahnkonen, 2009; Смирнов, 2013]. Системный подход к изучению субстратных топонимов территории Марий Эл и бассейна среднего течения р. Вятки представлен в исследовании О. В. Смирнова [2013]. Он приходит к выводу, что значительное количество топонимов, считающихся пермскими, находит параллели на территории волжско-финских языков и оставлено вымершим наречием, родственным как древним волжско-финским языкам, так и прапермскому языку.

3. Методы и источники исследования

Что касается методологического инструментария исследования, в первую очередь отметим широко применяемый при изучении субстратной топонимии формантный метод, который тесно смыкается с методом географических терминов [см.: Матвеев, 2001, 58]. Эти методы особо значимы потому, что, хотя в уральских языках представлены разные структурные типы топонимов, наиболее типичной является структура, где в качестве форманта (или в более редких случаях собственно топонима) выступают географические термины [см.: Афанасьев, 1996, 7; Saarikivi, 2007, 16; и др.].

Немаловажно также, что топонимическая лексика охватывает лишь часть словаря того или иного языка [см.: Матвеев, 1986, 46].

Определение истоков субстратных топонимов тесно смыкается с топонимической типологией [см.: Saarikivi, 2007, 16]. Специальных типологических исследований марийской и пермской топонимии не проводилось, но имеющиеся работы по топонимии [см.: Атаманов, 1988; Галкин, 2000; Кириллова, 2002; и др.] позволяют получить информацию об общих типологических особенностях марийской, коми и удмуртской топонимии.

Картографирование топонимов позволяет выделить ареалы распространения топонимических фактов.

Топонимическими источниками исследования послужили словари географических названий Республики Марий Эл [ТРМЭ; ГРСГН], материалы, собранные автором в полевых экспедициях, материалы топонимических и диалектологических экспедиций, хранящиеся в МарНИИЯЛИ. В качестве источников были привлечены также современные и старые топографические карты, но, учитывая то, что на картах нередко представлены искаженные формы названий², эти данные использовались с осторожностью.

² По подсчетам А. К. Матвеева, в среднем на территории Русского Севера в той или иной степени ошибочными являются 5 % картографических форм субстратных топонимов, причем ошибки в формантах встречаются в 2,5 раза чаще, чем в основах [Матвеев, 2001, 54]. Р. Л. Питкянен на финских картах Туркуского края указывает ряд реконструированных картографами топонимов, некоторые картографические формы субстратных топонимов являются ошибочными [Pitkänen, 1985, 70].

4. Пермские топонимы и типичные компоненты в современной коми, удмуртской и марийской топонимии

Коми, удмуртский и марийский языки являются родственными, чем обуславливаются некоторые трудности при выявлении и анализе пермской топонимии Республики Марий Эл. Кроме языковых параллелей, имеющих основой родство языков, в марийском и пермских языках проявляются также сходства позднего характера [см.: Серебrenников, 1967; Bereczki, 1994].

К пермским языкам относятся удмуртский и коми (коми-зырянский и коми-пермяцкий) языки, которые в лексическом плане довольно близки. В имеющейся топонимической литературе часть субстратных топонимов Республики Марий Эл этимологизируется с привлечением данных коми языка, часть — с привлечением данных удмуртского языка, что указывает на разнородность стратиграфических пластов топонимов. В работах исследователей марийской топонимии этот вопрос не находит должного освещения, возможно, вследствие того, что детальному анализу пермская топонимия не подвергалась. Между тем при выявлении информации об этногенезе народов путем анализа топонимов требуется четко разграничить источники топонимов. Исходя из результатов имеющихся топонимических исследований, сейчас можно говорить о том, что пермский субстрат представлен двумя стратиграфическими пластами — коми (?общепермским), который является более древним, и удмуртским. Для сравнения — Г. Березки в своей работе «Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte», состоящей из двух частей, выявляет в марийском языке прапермские и удмуртские заимствования [см.: Bereczki, 1992].

При наличии пермского субстрата в Ветлужско-Вятском междуречье в топонимии ожидаемы типичные пермские географические термины, обозначающие водные объекты, такие как коми *ва* 'вода', 'мокрый, сырой', *вис* (*виск-*) 'проток, канал (соединяющий озеро с рекой)', 'загородка в протоке', *вож* 'ответвление, развилина, приток реки', *йир* 'омут', *ты* 'озеро', *шор* 'ручей', 'весенний ручеек, талая вода', *ю* 'река'; удм. *вож* 'устье реки', *ву* 'вода; водяной', *йу* 'речка, ручей, родник', *кож* / *кӧж* 'омут, излучина реки, глубокое место в реке, озере', *ӧр* 'река, речка', *ты* 'озеро', *шур* 'река, речка, ключ, родник'.

Обратим внимание на то, что все приведенные лексемы являются односложными, состоящими из двух-трех фонем. При усвоении марийской топонимической системой эти слова могли в разной степени перерабатываться, поэтому обнаружить их в современных топонимах трудно, особенно двухфонемные лексемы *ва*, *ву*, *ю*, *ӧр*. Проверка географическими реалиями основ топонимов, в которых воплощена семема 'река, ручей, озеро' при непосредственном обозначении реки, ручья или озера не всегда может считаться успешной.

Выявление приведенных географических терминов осложняется еще и тем, что в марийском языке, контактировавшем с пермскими, представлены географические термины, близкие или тождественные по семантике и фонетическому

оформлению пермским географическим терминам, ср.: коми, удм. *вож* ~ марГ *важ*, марЛ *вож* ‘корень, источник; исток; ответвление’; удм. *өр* ~ марЛ *ер*, марГ *йӱр* ‘озеро’; коми *шор*, удм. *шур* ~ мар. *шор* ‘заболоченное место, болото без кочек’. Даже в пределах одной диалектной зоны при адаптации иноязычного пермского компонента могли происходить различные фонетические изменения. Например, по данным В. И. Вершинина, удмуртский гласный *у* может быть адаптирован марийским языком как *о* или *е*: *шор* (мар. *Гондырошор* < удм. *Гондыршур* (овраг), где *гондыр* ‘медведь’), *шер* (мар. *Гульшерма* < удм. *Голюшурма* (деревня)) [Вершинин, 1990, 104–105, 107].

Несмотря на то, что выявление пермского субстрата в Ветлужско-Вятском междуречье сопряжено с рядом трудностей, при системном подходе к исследованию материала все же можно отграничить марийские топонимические факты от пермских. В данной работе представлены приемы, способствующие выявлению языковых источников топонимов в зависимости от постулируемых этимологий. Здесь мы не ставим целью описывать методы и приемы, а лишь укажем основные и при необходимости поясним их актуальность для изучаемого региона.

Во-первых, при объяснении этимологии названий исследователь должен учитывать физико-географические данные об объектах, если предполагаемые мотивационные признаки отражают свойства, особенности называемого объекта или окружающей его местности. Стоит заметить, что при этимологизации топонимов Ветлужско-Вятского междуречья данный прием обычно не находил должного применения.

Во-вторых, необходимо учитывать данные исторической лексикологии. Особенно это касается постулируемых пермских (древнепермских) источников топонимов, поскольку в коми языке имеются прибалтийско-финские заимствования, которые не могут быть представлены в топонимии Марий Эл и юга Кировской области.

В-третьих, как уже отмечалось выше, историко-лингвистический анализ топонимии не может быть эффективным без картографирования топонимов.

И, наконец, необходимо принимать во внимание микроареальные особенности топонимии. Это хорошо иллюстрируется, например, топонимией южных районов Марий Эл, где имеются татарские и чувашские заимствования.

Далее в статье осуществляется анализ названий, имеющих в своем составе лексемы, схожие или одинаковые по фонетическому оформлению в марийском и пермских языках.

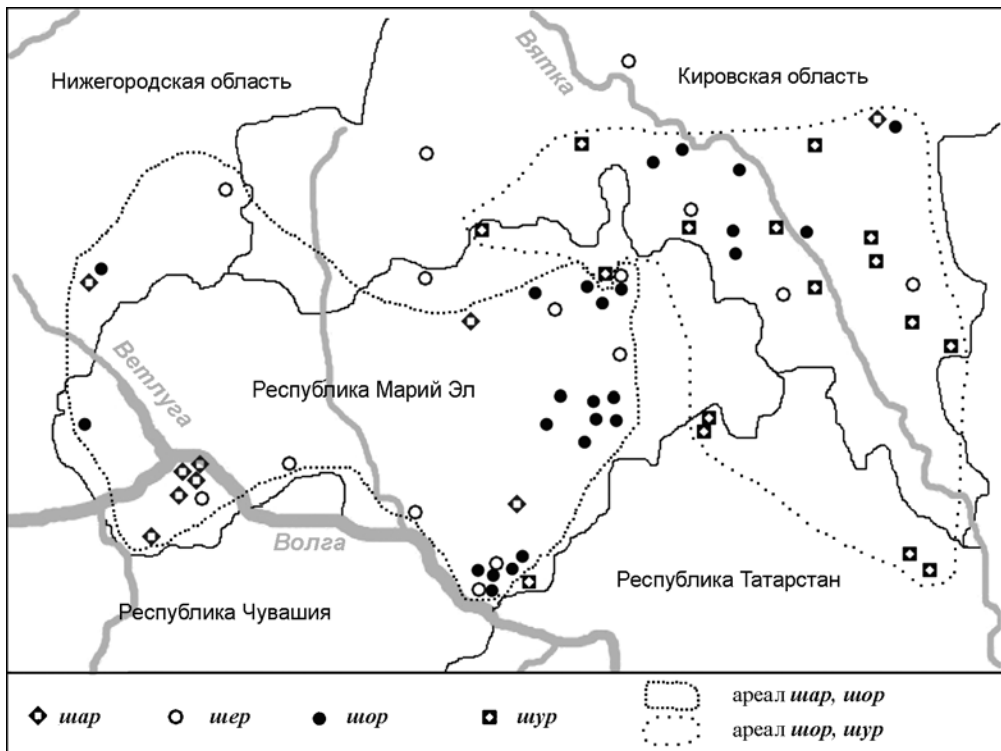
5. Учет географических реалий и ареальной дистрибуции основ и формантов

шVр

Компонент *шVр* соотносится с марЛ *шор* ‘заболоченное место, болото без кочек’, марГ *шараш* ‘весенняя стоячая вода в овраге’, удм. *шур* ‘река, речка;

ключ, родник', ср. также коми *шор* 'ручей', 'весенний ручеек, талая вода'. Ш. Чуч реконструирует для пермских слов следующие праформы: коми *шор*, удм. *шур* < общеперм. *šor < ф.-уг. *šerэ / šärэ [Csúcs, 2005, 384].

Топонимы с компонентом *шар* ~ *шор* ~ *шур* ~ *шер* распространены как в регионе Ветлужско-Вятского междуречья, так и за его пределами, обнаруживая особую концентрацию на территории Марий Эл, в нижнем течении реки Вятки с обеих сторон (см. карту 3). Названия с топоосновой и детерминантом *шар* тяготеют к западной диалектной зоне марийского языка. Топонимы с *шор* сконцентрированы в районе распространения лугового наречия марийского языка, топонимы с *шур* — в нижнем течении р. Вятки по ее левым и правым притокам. *Шер*, выступая в качестве топоосновы и детерминанта, не обнаруживает тяготения к определенному ареалу, фиксируется на всей рассматриваемой территории, что, в частности, указывает на то, что этот компонент может являться фонетическим вариантом *шар*, *шор* или даже *шур*. Кроме слова *шор*, в марийском языке имеются также *вүдшер* 'русло, капля', *вүтишөр*, *вөдишөр* 'половодье, разлив', где первый компонент *вүд* имеет значение 'вода'. Возможно, в отдельных топонимах детерминант *-шер* этимологически связан с *шер* (< *вүдшер*), которое в прошлом

Карта 3. Ареал распространения топонимов с *шVр*

было самостоятельным словом, ср. *Кокшер вўд* (*Кокшерка*, лев. пр. рч. Каменный Ключ). Ф. И. Гордеев сопоставляет слово *шер* с к.-зыр. *шор* и удм. *шур* [ЭСМЯ, 2, 191], равно как и мар. *шор* ‘талая вода’ [Гордеев, 1985, 67].

Тринадцать из 65 картографируемых топонимов являются названиями болот, что довольно ясно указывает на их марийский источник. В большинстве случаев в названиях фиксируется компонент *шор*, репрезентация *шер* — два случая, *шар* — один случай: бол. *Вовашор* (Звен.) < волж. *вова* ‘большая и глубокая сухая яма’ и мар. *шор* ‘болото’; *Йокшер* (Звен.), где *Йок*, вероятно, антропоним; *Йолгашор* (Волж.), где *Йолга* — антропоним; *Кабакшор* (Урж.) < мар. *кабак* ‘кабак’; *Когошор* (Березовое болото, Горн.) < марГ *кого* ‘большой’; *Кугошор* (Волж.) < волж. *куго* ‘большой’; *Пыртишораки* (Звен.), где *Пырти* — антропоним; *Човыкшор* (Серн.), где *Човык* — антропоним; *Шараиш вяр* (Горн.) < марГ *вяр* ‘место’; *Шеражы* (Горн.); *Шеркуп* (Серн.) < мар. *куп* ‘болото’; *Шоркуп* (Морк.); *Элексешор* (Куж.), где *Элексе* — антропоним.

Кроме гелонимов, с привлечением данных марийского языка достаточно легко объясняются все ойконимы с компонентами *шар*, *шер*, *шор*, большинство микропонимов и часть гидронимов. Их этимологии приводятся ниже.

Ойконимы: д. *Изи Шорьял* (Малый Шорьял, Морк.) < *изи* ‘малый’, *ял* ‘деревня’; д. *Кугу Шорьял* (Большой Шорьял, Морк.) < *кугу* ‘большой’; *Шары* (Юр.); *Шордур* (Морк.), где *дур* < *тўр* ‘край’, в топонимии ‘рядом с чем-л.’; *Шорсола* (Куж.) < *сола* ‘деревня’.

Микропонимы: ложб. *Тавайшараиш лидй вуй* (Горн.), где *Тавай*, вероятно, антропоним, *лидй вуй* ‘начало ложбины’; луг *Изишер* (Шар.) < *изи* ‘маленький’ и *шер* < *шар*, *шор* ‘болото’; овр. *Когошараиш карем* (Горн.) < *карем* ‘овраг’; *Шерванжак карем* (Горн.) < *ванжак* ‘переход, перекаладина, брод’; поле *Якушораиш* (Куж.), где *Яку* — антропоним.

Гидронимы: р. *Купшер*, прав. пр. р. Ировка < *куп* ‘болото’; р. *Лапшэнер* < *Лапшор* (из ойконима восстанавливается *ш* < *шор* (*шер*, *шар*)) от *лап* ‘низина, низинный’; р. *Утишер* (*Куптишер*), лев. пр. р. Илеть; оз. *Шараиш йяр* (Горн.) < *йяр* ‘озеро’ (два разных одноименных объекта, одно из озер высохшее); р. *Шарашка*, прав. пр. р. Юронга, где *-ка* — русский топоформант; оз. *Шарьер* (Звен.) < *ер* ‘озеро’; оз. *Шемшер* (Звен.) < *шем* ‘черный’; род. *Шор*³ (Звен.); р. *Шорья*⁴ (Большая Шорья), прав. пр. р. Юронги; р. *Шорэнер* (*Шора*), лев. пр. р. Илеть; р. *Шорэнер* (*Шора*), прав. пр. р. Юшут.

Этимологии почти всех ойконимов подтверждаются географическими реалиями: деревни *Изи Шорьял*, *Кугу Шорьял*, *Шары*, *Шордур*, *Шорсола* расположены

³ Возможно, ономастопозитического происхождения, ср. *Гўргўр памаиш* [Вершинин, 2005, 43]. В диалектном словаре Э. Беке представлен следующий пример: *Вўт энерьыште шор шоктен йога* «Вода в реке бежит журча (т. е. издавая звук *шор*)» [Беке, 7, 2459].

⁴ Н. В. Морохин сопоставляет основу топонима с пермскими *шор* ~ *шур* ‘река’ [НТС, 206].

в низменных, болотистых местностях или в окружении болот. Этимологии гидронимов подтверждаются географическими реалиями в половине случаев. Таким образом, в общей сложности на основе марийского языка этимологизируется более половины картографируемых топонимов, причем в большинстве случаев этимологии подтверждаются с географической стороны.

Почти все названия с надежной марийской этимологией относятся к территории Марий Эл, образуя единый ареал. Отметим, что в тех зонах, где достоверно представлены марийские топонимы *шар* и *шор*, не фиксируются топонимы с *шур*.

Кроме объясняемых из марийского языка названий, в выделенном ареале на территории Марий Эл встречаются топонимы с затемненной атрибутивной частью: р. *Татшер*, прав. пр. р. Малый Кундыш; р. *Томшар* (*Томшарка*), пересохший лев. пр. р. Малая Кокшага. Марийское *шор* как топоформант встречается также к востоку по р. Кама: б. д. *Ланкашор* (Акт.) < *ланка* 'низкий'; ул. *Ланкашор* (Агр.) — эти факты связаны с миграцией марийского народа на восток.

Еще один ареал топонимов с рассматриваемым компонентом выделяется на современной территории Уржумского и Кильмезского районов Кировской области и в нижнем течении р. Вятки на территории Татарстана (см. ареал *шор*, *шур* на карте 3). Здесь обнаруживаются названия с формантами *-шур*, *-шор*, *-шер* с преобладанием над последним двух первых. Лексема *шур* фиксируется в двенадцати топонимах. В четырех⁵ случаях из двенадцати апеллатив выступает как собственно топоним, оформленный суффиксами марийского и русского происхождения. В остальных восьми случаях *-шур* выполняет функцию форманта. В пяти случаях из восьми семантику атрибутов топонимов можно объяснить с опорой на данные удмуртского языка (см. ниже).

Представим перечень топонимов с рассматриваемым формантом, приводя возможные этимологии:

Важашур, д. (Кукм.) < удм. *вож* 'устье реки; перекресток, перепутье' и удм. *шур* 'река'. Деревня стоит в месте слияния составляющих речки.

Карашур, ур. < удм. *кар* 'городище', 'гнездо, берлога' и удм. *шур* 'река'. Возможно также, что в основе атрибута лежит удмуртское мужское имя *Кара* [Атаманов, 1990, 229].

Поришур, д. (Кукм.) < удм. *пор* 'мари, марийский' (*пор* — этноним, употребляемый удмуртами по отношению к марийцам) и удм. *шур* 'река'.

Такашур, с. (Кильм.) < удм. *така* 'баран' и удм. *шур* 'река'. Атрибутивный компонент имеет явные параллели в удмуртской топонимии, ср. микротопонимы с атрибутом *така* -: *Таканыр*, *Таканюк*, *Таканюкшур* [Кириллова, 2002, 333].

Чеклешур, лев. пр. р. Шабанка. Этимология атрибута затемнена.

⁵ Вероятно, к ним можно добавить и потамоним *Шорэннер*, лев. пр. р. Илеть; см. ниже о названиях с. *Шура* и д. *Шурабаш*.

Шишурка, лев. пр. р. Немда, басс. р. Пижма. В структуре названия рассматриваются компонент *ши-* и удм. *шур* 'река'. Относительно происхождения первой части нет единого мнения. А. Н. Куклин возводит *ши-* к ненец. *сё* 'протока; река, вытекающая из озера', которое было привнесено в северо-восточную часть марийского края древнепермскими родоплеменными группами [Куклин, 1998, 34–41]. С рассматриваемым гидронимом связаны названия двух деревень *Шишур* в Оршанском и Новоторъяльском районах Марий Эл, последнее предположительно является перенесенным.

Шура вӱд (Шура), рч., лев. пр. р. Талмань < удм. *шур* 'река' и мар. *вӱд* 'вода, река'.

Шуранка, прав. пр. р. Уржумка < удм. *шур* 'река', *-анка* — сложный русский топоформант.

Шурминка, прав. пр. р. Вятки. В связи с вышеприведенным топонимом укажем название д. *Шурмучаи* (совр. Ешпаево), зафиксированное в материалах диалектологической экспедиции 1959 г. [НРФ МарНИИЯЛИ, МДЭ-59, № 72, л. 95]. Это название объясняется из удм. *шур* 'река' и мар. *мучаи* 'конец', в топонимии 'начало, исток, конец'. Деревня расположена в истоке р. Шурминка. В составе ойконима гидроним выступает без форманта *-ма*, хотя нельзя исключать наложение марийской топоосновы *-мучаи* на *-ма*.

Шӱрашӱнер (Шураш), лев. пр. р. Сердяжка. Мар. *шӱраш* образовалось на основе народной этимологии (мар. *шӱраш* 'крупа') из удм. *шур* 'река' (+ мар. топоформант *-аш* и мар. *ӱнер* 'река').

Якмошур, лев. пр. р. Немда (лев. пр. р. Вятки) < удм. *шур* 'река'. Этимология атрибутивного компонента затемнена.

Якишур, лев. пр. р. Кульма < удм. *яг* 'лес, бор, хвойный лес' и удм. *шур* 'река'.

В этом же списке приведем названия с. *Шура* (Ард.) и д. *Шурабаш* (Ард.). Оба населенных пункта с марийско-татарским населением расположены на малых безымянных (по карте) притоках р. Шора бассейна р. Илеть. По мнению О. В. Смирнова [2013, 22], гидроним *Шора* может иметь удмуртское происхождение: *шур* < **шор* 'речка'. Связь ойконимов с гидронимом не исключена, но, к примеру, д. Шурабаш стоит на истоке маленькой речки, ср. тат. *-баш* 'голова, начало' — в этом случае как возможное объяснение напрашивается «начало речки Шур(а)».

Еще десять топонимов в выделенном ареале *шор*, *шур* содержат в своем составе компонент *шар* / *шор* / *шер*, но часть из них признать марийскими нельзя по физико-географическим показаниям, из-за отсутствия заболоченности⁶. Атрибуты данных топонимов, в основном, также не этимологизируются путем

⁶ Говорить об отсутствии болот, заболоченности берегов отдельных рек, истоков, ориентируясь на топографические карты, можно лишь условно, поскольку заболоченные места в хозяйственных целях осушались, т. е. ранние географические реалии на картах не находят отражения.

привлечения данных марийского языка. В четырех случаях для атрибутов можно привести апеллятивные соответствия из удмуртского языка, для некоторых топонимов обнаруживаются параллели на территории проживания удмуртов. Языковую принадлежность лексемы *шор* в некоторых названиях трудно установить без сбора полевого материала. Ряд этих топонимов следующий:

Глекмашор, лев. пр. р. Байса — ср. удм. *лек* ‘злой, сердитый’. Название может объясняться характерным для речки шумом, возникающим от падения воды с уступов. Если этимология верна, то формант *-шор*, скорее всего, происходит из удм. *шур* ‘река’.

Ташорка, лев. пр. р. Буй. Топоним заманчиво связывать с удм. *ты* ‘озеро’, однако озера в русле реки нет.

Толашерь, ур. (Кильм.). Название находит параллель в удмуртской топонимии, ср. фонетически близкий ойконим *Толошур* в Удмуртии. Атрибут можно сопоставить с удм. *тыло* ‘расчищенный из-под леса путем выжигания участок земли, рощисть’, ‘подлесок’, ‘подсека в лесу’; в этом случае к *Толашерь* возможно добавить и другие примеры: лес, поляна, бол. *Тыло*, мельница *Тыловуко*, рч. *Тылошур* и др. [примеры по: Кириллова, 2002, 343–344]. Формант *-шерь* соотносится с удм. *шур* ‘река’.

Шиншерка, пр. р. Уржумка. *Шин* < удм. *син* ‘родник’; второй компонент, как и в предыдущем случае, возможно связывать с удм. *шур* ‘река’ (> *-шер-*).

Шудошорка, прав. пр. р. Буй. На первый взгляд, если судить по топографическим картам, вряд ли возможно возводить топоним к марийскому *шор* в силу отсутствия заболоченных мест рядом с речкой. Однако, по свидетельству местного краеведа В. А. Ветлужских (переписка на форуме [<http://urzhum.clan.su/forum/>]), данное наименование носит также поле с ложбиной (раньше было болотом) по правому берегу р. Буй, что не может быть простым совпадением. Поэтому представляется, что топоним марийского происхождения: от мар. *шудо* ‘сено’ и *шор* ‘болото’.

В заключение списка топонимов данного ареала приведем названия с затемненной этимологией: *Векишары*, ур. на север от д. Рагозы; *Шамшерка*, лев. пр. р. Буй; *Шорка*, прав. пр. р. Вятки; *Шоряна*, ур. (Леб.); *Шушора*, прав. пр. р. Керзя.

К югу и северу от двух основных выделенных ареалов названия с рассматриваемым компонентом единичны и допускают разные интерпретации:

Камить-Шур, ур. (Волж.) — от антропонима тюркского происхождения *Камит* и мар. *шор* (> *шур*) ‘болото’. Вероятно, *шур* образовалось из семантически затемненного в волжском диалекте мар. *шор* ‘болото’ на основе народной этимологии в результате сближения с мар. *шур* ‘рог’, ‘кал’.

Кокшер вӯд, рч. (*Кокшерка*), лев. пр. рч. Каменный Ключ. Название локализовано между двумя выделенными ареалами и этимологизируется на материале марийского языка. Судя по топографическим картам, рядом с речкой нет болот, но примечательно то, что речка образуется путем слияния двух ручьев. Поэтому представляется, что *шер* может быть связано с мар. *вӯдшер* ‘русло; подземный

канал, по которому течет вода' (*вүд* 'вода'), где атрибутивный компонент топонима *кок(ыт)* 'два'. Тем самым название в целом осмысливается как «Речка с двумя составляющими».

Неясная этимология у названий ур. *Яшеры*, рч. *Индюшерка*, лев. пр. р. Ярань.

Таким образом, топонимы с компонентом *шVр* в Ветлужско-Вятском междуречье имеют два языковых источника: марийский и удмуртский. Северные приграничные районы Республики Марий Эл и южные районы Кировской области составляют ареал, где марийские по происхождению топонимы чередуются с удмуртскими (по карте ареал *шор*, *шур*).

О. В. Смирнов особо выделяет район р. Байса, топонимия которого, по мнению исследователя, демонстрирует древнеудмуртские фонетические черты: репрезентация в двух топонимах др.-удм. **од-* > удм. *уд-* 'удмурт', два примера репрезентации др.-удм. **шор* > удм. *шур* 'река', один пример на др.-удм. **и* > удм. *ы* [Смирнов, 2013, 23–24]. Исследователь также отмечает, что «древнеудмуртские черты обнаруживаются исключительно в микроареале в окрестностях р. Байса» [Там же, 24]. Отметим, что в заимствованных в марийский язык из удмуртского топонимах репрезентация *о* вместо удм. *у*, *у* вместо удм. *ы* обнаруживается и в Нижнем Прикамье [Вершинин, 1990, 105, 107]. Данная территория, согласно общеизвестным представлениям, марийцами осваивалась позднее того времени, когда в правобережье Вятки имели место марийско-удмуртские контакты. Необходимо отметить, что, по данным последних масштабных работ по исторической фонетике уральского и, в частности, пермских языков, *j* (*ы*) в *тылV* был представлен уже в общепермский период [Sammalahti, 1988, 527–534; Csúcs, 2005, 386], **и* (позднее изменившийся в *j*) мог сохраняться в раннем прапермском языке [Sammalahti, 1988, 527–531]. Таким образом, фиксация *у* на месте современного пермского *ы* может свидетельствовать о древности топонима, точнее, указывать на древнепермский источник (если допускать реликтовый характер фонемы), о субституции удм. *ы* через мар. *у* (отметим, что марийский звук *ы* отличается от удмуртского *ы*). Могут быть и другие причины. В любом случае, рассматриваемых топонимических данных мало, и зафиксированные единичные фонетические факты нельзя с уверенностью считать свидетельством архаичных особенностей языка.

важ, вож

На территории Ветлужско-Вятского междуречья активна тополексема *важ* ~ *вож*, соотносимая с марЛ *вож*, марГ *важ* 'корень, источник; исток; ответвление', в топонимии также 'приток', 'место слияния нескольких составляющих (ответвлений) рек', удм. *вож* 'устье реки; перекресток, перепутье', ср. коми *вож* 'ответвление, развилина, приток реки'. Рассматриваемые слова марийского и коми языков этимологически восходят к одному источнику **woša* 'разветвление, развилка (реки, дороги)' [UEW, 825; EWT, 317]. Для пермских лексем Ш. Чуч восстанавливает ф.-перм. **woša* [Csúcs, 2005, 397]. В этимологическом словаре

коми языка марийские и пермские данные не рассматриваются в одном этимологическом ряду [КЭСНЯ, 60].

Тополексема *важ* ~ *вож* на территории Ветлужско-Вятского междуречья фонетически сильно варьирует: по-разному представлен гласный в вариантах *важ*, *вож*, *веж*, *ваи*, отмечены варианты с глухими согласными: *баж*, *бож* — *баи*, *бои*.

Представляется, что необходимо выявить и описать мотивационные признаки, положенные в основу названий с компонентом *важ* ~ *вож* в марийской топонимии. В имеющейся научной литературе этот компонент обычно переводится как ‘корень, развилка’ [ТРМЭ, 16], ‘исток, развилина, жила’ [Там же, 48], ‘корень, исток’ [НТС, 62, 79; и др.], но сам мотивационный признак остается неясным. Между тем имеющиеся данные свидетельствуют о том, что тополексема *важ* ~ *вож* в Ветлужско-Вятском междуречье отражает разные мотивационные признаки. Она может выступать в гидронимах в качестве атрибута, форманта, собственно топонима, а также в ойконимах и микропонимах — в качестве атрибута и форманта. Имеющийся в наличии топонимический материал позволяет выделить следующие мотивационные признаки.

Если *важ*- используется в качестве а т р и б у т а, то указывает на наличие источников: д. *Важинерь* (*Фролята*, Урж.) от *важ* ‘источник’ и *инерь* < *энер* ‘река, речка’; д. *Важйäl* (*Яшмолкино*, Горн.) от *важ* ‘источник’ и *йäl* ‘село’; овр. *Важйäl карем* (Горн.) — отойконимный микропоним; *Важоты* (Горн.) от *важ* ‘источник’ и *оты* ‘мелкий лес’.

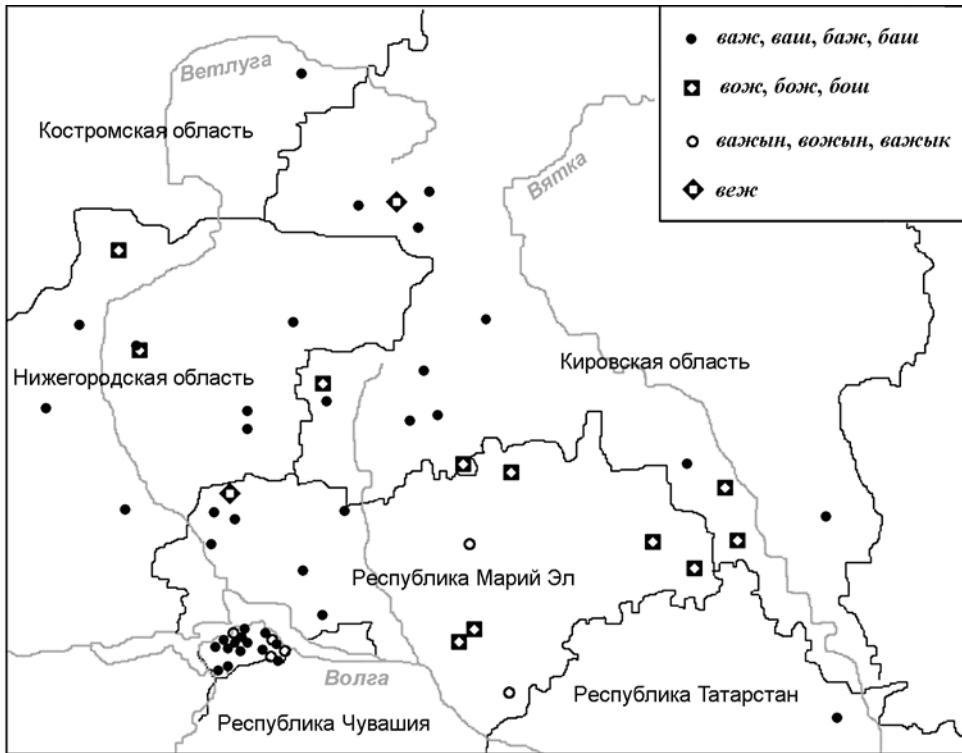
Если лексема выступает как т о п о н и м и ч е с к и й ф о р м а н т или с о б с т в е н н о т о п о н и м, то она может иметь следующие значения:

1) ‘приток, ответвление’ — вероятно, это значение лежит в основе подавляющего большинства гидронимов: *Кликваж*, *Кожваж*, *Перчваж*, *Шимваж* и др.;

2) ‘место слияния нескольких составляющих реки, речки’: д. *Энервож* (*Энервож*, Звен.) < *энер* ‘река’ и *вож* ‘место слияния ответвлений’. Деревня стоит в месте слияния составляющих речки Атлашка, прав. пр. р. Илеть;

3) ‘источник’: рч. *Пүгöвож* (*Пиковожка*), прав. пр. р. Талмань, берет начало в овраге из родника [Новоторъяльский, 69].

Ареальная дистрибуция топонимов (см. карту 4) свидетельствует о том, что топонимы с рассматриваемым компонентом сконцентрированы на территории Горномарийского района — в правобережной части, а также в левобережье Волги в бассейне р. Ветлуги до р. Большая Кокшага на территории Марий Эл и Нижегородской области, в верховье р. Пижма (прав. пр. р. Вятки) и в ее правобережье в Кировской области. Подавляющее большинство составляют топонимы с компонентом *важ*, локализуясь в пределах западной диалектной зоны марийского языка. К востоку от этого ареала тополексема *вож* с характерным гласным *о* не имеет подобной активности, спорадически встречаясь по всей восточной территории Марий Эл, а также в Уржумском и Малмыжском районах Кировской области.

Карта 4. Ареал распространения топонимов с *важ*, *вож*

Отметим, что в двух случаях в восточной диалектной зоне представлены топонимы с компонентами *важык* и *вожын*, которые являются дериватами от *важ*, *вож*: оз. *Важыкъер* (Волж.) < *важык* 'кривой' и *ер* 'озеро'; оз. *Вожынъер* (Медв.) < *вожын* 'развилистый; развилина, развилка' и *ер* 'озеро' — в целом название осмысляется как «Раздвоенное озеро».

Эти модели обнаруживают параллели с горномарийской топонимией, где фиксируются топонимы с атрибутивными компонентами *важик* / *важык*, *важын*: овр. *Важикан карем* (Горн.) — «Двурогий овраг» [ГРСГН, 28]; д. *Важыкӱнгӱр* (Артюшкино, Горн.) — «Река с ответвлениями»; овр. *Ялаш важик карем* (Горн.) — «Раздвоенный овраг Ялаш»; оз. *Важынӱр* (Горн.) < *важын* 'развилистый' и *ӱр* 'озеро'; овр. *Важынӱнгӱр* (Горн.) < *важын* 'развилистый' и *ӱнгӱр* 'река' (одноименное название леса *Важынӱнгӱр*, вероятно, является отпотамонимным, но соответствующий потамоним в настоящее время не обнаруживается).

Следует отметить, что топонимы с рассматриваемыми дериватами тяготеют к ареалу *важ*. Добавим к указанному ряду потамоним *Кожвож* (лев. пр. р. Нурда) и вторичное по происхождению название оз. *Кожвожъер* (Звен.), которые также обнаруживают параллели в горномарийской топонимии: *Кожваж ӱнгӱр*, лев. пр.

р. Большая Юнга; и др. Можно согласиться с мнением О. В. Смирнова о том, что топоним *Кожвож* не является пермским по происхождению [Смирнов, 2013, 16]. Это мнение подкрепляется фиксацией топонима *Кожвож* на территории распространения волжского диалекта марийского языка и в Горномарийском районе⁷.

Далее приведем топонимы с основой и формантом *важ ~ вож*.

Арбаж, лев. пр. р. Шошма; *Арбаж*, лев. пр. р. Шуван; *Арбажка*, прав. пр. р. Большой Кундыш. Исходя из физико-географических характеристик рек, можно сказать, что атрибут не связан с мар. *ар*, *ор* ‘маленький’, поскольку названные реки являются или самыми большими притоками (Шошмы, Шувана), или не самым маленьким (Большого Кундыша). Топооснова *ар-*, вероятно, соотносится с мар. *är* ‘лука после весеннего разлива’ [ТРМЭ, 35; ЭСМЯ, 1, 134] и мар. *важ* ‘приток, ответвление’. О. П. Воронцова и И. С. Галкин высказывают предположение, что в прошлом в «финно-угорских языках существовало различие величины речек переднерядной и заднерядной гласной их названий: *ар-ор* ‘поток, большая речка’, *är-ör* ‘малая речка, ручей’». Для сравнения приводятся данные венгерского языка: *ár* ‘течение, поток’, *ér* ‘ручей’ [ТРМЭ, 247–248]. Однако, по мнению Ф. И. Гордеева, мар. *är* и венг. *ér*, *ár* генетически разнородны — мар. *är* ‘лука после весеннего разлива’, *ар* ‘глубокий’ он под вопросом сопоставляет с ненец. *ëря* ‘глубокий, глубоко’, манс. *ари* ‘река’ [ЭСМЯ, 1, 125–127]. В этимологическом словаре уральских языков мар. *är* не рассматривается в одном этимологическом ряду с венг. *ér* (< *šärэ) и *ár* (< *darэ) [UEW, 1, 437, 483–484, 499].

Барaboшка (Барабаи), лев. пр. р. Ирека; *Варваж*, прав. пр. р. Ветлуги; *Варваж*, прав. пр. р. Якшанга — от мар. диал. *варыиш* ‘холм, возвышенность’ и *боиш* < мар. *важ / вож* ‘приток, ответвление’.

Божсай, Вожай, прав. пр. р. Вятки < удм. *вож* ‘устье реки’, содержит типичный для удмуртских топонимов формант *-ай* ? ‘речка’ [Атаманов, 1988, 61].

Божунер, оз. (Урж.) — вероятно, от мар. *вожын* ‘раздвоенный, развилистый’ и *ер* ‘озеро’.

Важашур (Бажашур), д. (Кукм.) — от *важа* < удм. *вож* ‘устье, перепутье’ и удм. *шур* ‘речка’.

Важвел (Валенкун), лев. пр. р. Ветлуги. Топоним состоит из слов, значения которых в современном марийском языке известны, но принципы номинации остаются неясными. Можно предположить, что название означает «В стороне, где имеются источники», ср. мар. *важ* ‘источник’, *вел* ‘сторона’.

Важинерь, д. (Урж.) — от мар. *важ* ‘источник’ и *инерь* < мар. *энер* ‘река, речка’, что подтверждается географическими реалиями.

Важйäl, д. (Горн.) < марГ *важ* ‘источник’ и марГ *йäl* ‘село’. *Важйäl карем*, овр. — отойконимный микротопоним.

⁷ Известно, что имеются соответствия в лексике между горным наречием и волжским говором лугового наречия марийского языка [Иванов, 1981, 44–50], параллели прослеживаются также в топонимии.

Важоты, овр. (Горн.) < марГ *важ* ‘источник’ и марГ *оты* ‘мелкий лес’.

Вежевича, лев. пр. р. Кума. Неясна этимология второй части потамонима, имеющей параллели в Ветлужско-Вятском междуречье (р. *Вича*) и западнее (р. *Вичужанка* в Ивановской обл.; р. *Вича*, пр. р. Унжи; р. *Вичурка*, прав. пр. р. Оки; и др.).

Вожня, лев. пр. р. Уста < мар. *важын* ~ *вожын* ‘с развилками’, содержит русский формант *-а*. Речка действительно имеет несколько ответвлений. Известно также похожее *Важня*, называющее озеро в левобережье Ветлуги (отпотамонимный лимноним).

Киржевож, д. (Пар.) — отгидронимный топоним. Для исходного гидронима обнаруживаются параллели в других районах Марий Эл: *Куржо* (*Куржа*), прав. пр. р. Малый Кундыш; *Куршо* (*Курша*), 1) прав. пр. р. Илеть, 2) прав. пр. р. Немда. Топонимы могут иметь пермские истоки [ТРМЭ, 160].

Кожваж а́нгёр, лев. пр. р. Большая Юнга; *Кожваж шь́ндёр*, пр. р. Сундырь; *Кожвож*, лев. пр. р. Нурда. Атрибут по происхождению является марийским, вероятно, из *кож* ‘ель’ [Смирнов, 2013, 16]. Зафиксированы производные названия: с. *Кожваж*, д. *Кожважвуй*, овр. *Кожважкарем*, лес *Кожважсурт* (< *Кожваж а́нгёр*), оз. *Кожвожъер* (< *Кожвож*).

Козловаж, прав. пр. р. Боковая. *Козло* < *козла*, ср. марГ, марЛ *кожла* ‘ельник’, диал. ‘лес’ [Смирнов, 2013, 29]. Известно также идентичное название деревни *Козловаж* (Яран.), которая стоит на истоке безымянной (по карте) речки.

Кукушы важ карем, овр. (Горн.) — буквально «Овраг Сухой лог» [ГРСГН, 134].

Кутваж, прав. пр. р. Икша. На фоне приводимых В. И. Вершининым топонимических параллелей, особенно территориально близкой р. *Кутко*, прав. пр. р. Уркат [Вершинин, 2005, 10], предложенная в ТРМЭ этимология (*кут* < мар. *куд*- ‘шесть’ и *важ* ‘жила, источник’) [ТРМЭ, 160] без проверки географических реалий представляется малоубедительной.

Кым важ лидьй, овр. (Горн.) — «Овраг с тремя ответвлениями» или «Трехбалочный овраг» [ГРСГН, 144].

Лу́лтьй важ куп, бол. (Кил.) — «Болото в ольховой балке» или «Болото с ольховым источником».

Нольвож (*Нолвож*), прав. пр. р. Малая Кокшага. Подобные названия обнаруживаются на территории Марий Эл: *Нольо* (*Ноля*), лев. пр. р. Уржумка; *Нольовуд* (*Нолька*), 1) прав. пр. р. Малая Кокшага, 2) лев. пр. р. Лажа. Этимология основы, представленная в ТРМЭ [229], малоубедительна. Возможно, название связано с мар. *ноло* ‘влажный, топкий’ [НТС, 143], ср. *ноло куп* ‘топкое болото’.

Ошкы доньшы вь́йд важ, род. (Горн.) — осмысливается как «Родник у осокорника» [ГРСГН, 203], где марГ *вь́йд важ* ‘источник, родник’.

Пистербаж, лев. пр. р. Уста — от мар. *пистер* ‘липняк’ и *баж* < мар. *важ* ‘ответвление, приток’.

Пүгöвож (Пиковожка), рч., прав. пр. р. Талмань, берет начало в овраге из родника [Новоторьяльский, 69]. Название метафорического характера, от мар. *pügö* ‘дуга’: в истоке речка имеет разветвления в форме дуги.

Синчуваж, лев. пр. р. Чернушка < марГ *сýнзä* ‘глаз’ (ср. марГ *вüдсýнзä* ‘источник’) и мар. *важ* ‘источник’, ‘приток’.

Тодымваж, д. (Горн.) — от мар. *тодыш* ‘извивающийся’ [Куклин, 1985, 129] или *тодмы* ‘ломаный, гнутый, плетеный’ [ТРМЭ, 320] и мар. *важ* ‘исток’.

Уйтй вüд важ, род. (Горн.) — осмысляется как «Студеный родник» [ГРСГН, 152].

Шактемваж, с. (Горн.) < мар. *шактем* ‘звучный, шумящий’ [ТРМЭ, 359] и мар. *важ* ‘источник’ или ‘приток’.

Шимваж, бол. (Кил.) < мар. *шим* ‘черный’ (типичный компонент марийских топонимов) и мар. *важ* ‘источник’. Одноименный отгелонимный ойконим — д. *Шимваж*.

Шимваж, прав. пр. р. Сура < мар. *шим* ‘черный’ и мар. *важ* ‘приток’. Производный микропоним — луг *Шимваж*.

Шурговаш(ка), лев. пр. р. Люнда — от марГ *шýргы* ‘лес’ и *ваш* < мар. *важ* ‘приток’.

Энервож (Энервож), д. (Звен.) < мар. *энер* ‘река’ и мар. *вож* ‘место слияния составляющих речки’. Деревня стоит в месте слияния составляющих речки Атлашка, прав. пр. р. Илеть.

Топонимы с неясной этимологией: *Азваж (Ажваж)*, прав. пр. р. Рубка; *Арганваш (Органваш)*, р. (Горн.); *Аржеваж*, р., лев. пр. р. Кума (основа находит параллель в Ветлужско-Вятском междуречье: р. *Ариша*, лев. пр. р. Ошма); *Ацвеж*, р., лев. пр. р. Юма; *Белбаж*, с. (Ков.); *Большой Байбаш*, р., лев. пр. р. Черная (одного происхождения с *Войваж вуй*); *Войваж вуй*, поле (Горн.); *Вывож*, р., лев. пр. р. Вола (атрибут топонима имеет параллель на юге Кировской области в названии обрусевшей марийской деревни *Вынур* (Туж.) при речке *Вынурке*); *Кликваж*, лев. пр. р. Ацвеж; *Норжеваж*, прав. пр. р. Пуча; *Нурдуваш (Нордоваш)*, д. (Кильм.); *Орваж карем*, овр. (Горн.); *Перчваж*, прав. пр. р. Большой Кундыш; *Рейчваж*, прав. пр. р. Шаранга; *Чикважка*, прав. пр. р. Большой Тюмберь.

Согласно результатам этимологического анализа, большинство топонимов (31 из 51, не считая названий с прозрачной этимологией, образованных от дериватов лексем *важ*, *вож*) объясняется с привлечением данных марийского языка. Часть атрибутов топонимов имеет параллели западнее территории Марий Эл — в Нижегородской, Костромской и Ивановской областях. Топонимы, фиксируемые на восточной территории Марий Эл, обнаруживают параллели в пределах границ республики, преимущественно на северо-востоке. Лишь два топонима, относящиеся к территории, где обнаруживаются удмуртские топонимы с компонентом *шур* и иные названия с удмуртскими истоками, этимологизируются путем привлечения данных удмуртского языка.

Что касается фонетических особенностей, то более ярко они проявляются в области консонантизма. В топонимах, атрибуты которых не поддаются объяснению на почве марийского языка, на стыке первой части с формантом *-важ* фиксируются консонантные кластеры *-йч-*, *-рж-*, *-рч-* (*Рейчваж*, *Аржеваж*, *Киржевож*, *Норжеваж*, *Перчваж*), причем в некоторых названиях отмечается стечение трех согласных. В связи с этим отметим, что стечения согласных довольно широко распространены в мордовских языках, так что, возможно, это явление было свойственно и другим, неизвестным ныне, волжско-финским языкам. В марийском же языке, напротив, распространен процесс упрощения сочетаний согласных [Грузов, 1969, 186–188].

Из иных фонетических особенностей обращает на себя внимание употребление фонем *з*, *с* на месте *ж*, *ш* соответственно. Ярким примером служит название *Козловаж*, где *козла* < *козла*, ср. марГ, марЛ *кожла* ‘ельник’, диал. ‘лес’. Употребление *з* вместо литературного *ж* и *с* вместо *ш* характерно более всего для малмыжского и уржумского говоров марийского языка [Иванов, 1981, 50–51, 65], ср. *kozla*, фиксируемое Э. Беке в Параньгинском и Малмыжском районах [Беке, 3, 943]. Вероятно, в прошлом на современной территории распространения северо-западного наречия и севернее в марийском языке (в его диалектах) звуки *з*, *с* были представлены на месте *ж*, *ш*. Пример корреспонденции марЛ *ж* ~ диал. *з* демонстрирует название реки *Азваж* и отпотамонимный ойконим *Ажваж*, где *з* репрезентируется в виде *ж*. Корреспонденция *с* ~ *ш* представлена в названии речки *Синчуваж*, где *синчу* < марГ *сӱнчӱ*, марЛ *шинча* ‘глаз’, ср. марГ *вӱдсӱнчӱ*, марЛ *вӱдшинча* ‘источник’.

6. Учет данных исторической лексикологии и микроареальных особенностей топонимии

вад / вод / вот

Компонент *вад / вод / вот*, зафиксированный на территории Марий Эл в составе нескольких топонимов, в научной литературе объясняется из коми *вад* ‘лесное озеро, заболоченное место, топкая болотистая местность’. Однако, если принять во внимание общий ареал распространения этих топонимов и микроареальные особенности топонимии республики, то возводимые к древнепермским источникам топонимы находят более убедительные этимологии на основе других языков.

При анализе названий исчезнувших селений автором данной статьи была предложена этимология ойконима *Кужевотнур* (*Кужвотнур*), согласно которой первая часть ойконима происходит из *кузь*, соотносимого с коми, удм. *кузь* ‘длинный’ и коми *вад* ‘лесное озеро, заболоченное место, топкая болотистая местность’. Было высказано предположение о том, что данное название вторично, а первоначально топоним служил обозначением озера или болотистой местности [Пустьяков, 2011, 187]. Ф. И. Гордеев также склонен видеть в компоненте *-вод-* связь

с коми *вад* [ЭСМЯ, 2, 5–6, 146], однако он считает возможным бытование данного слова в древнемарийском языке, ср. *Вадасола* с основой *вад*- как отражение «древнемарийского соответствующего гидронима» [Там же, 7].

Между тем в этимологическом словаре В. И. Лыткина и Е. И. Гуляева происхождение коми лексемы *вад* не определено: под вопросом она выводится из коми *ва* ‘сырой, мокрый’ и словообразовательного суффикса прилагательных *-д* [КЭСКЯ, 46]; в UEW эта этимология считается верной [UEW, I, 557]. Я. Саарикиви предполагает, что *вад* в языке коми является заимствованием из прибалтийско-финских языков (из устной беседы). В «Материалах для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера» этимология, предложенная в КЭСКЯ и UEW, также признается неубедительной ввиду сомнительности семантического перехода ‘сырой, мокрый’ → ‘озеро’ [МДС, 45]. Авторы МДС связывают коми лексему *вад* с прибалтийско-финскими источниками, ср. фин. *vataja* с широким спектром значений, объединяющихся вокруг смыслового стержня ‘болотистое, поросшее кустарником или чахлым лесом место, используемое иногда под покосы’ [SKES, 1672–1673; ПФГЛК, 99], карел. *vadajikko*, *vadeikko* ‘болотистое место, поросшее чахлыми березками или ивняком’, карел., ливв. *vadejikko* ‘низкорослый кустарник’ (~ вепс. **vadag* [ПФГЛК, 99]).

Отметим, что топонимы с компонентом *-вад*- не образуют единого ареала. Исходя из вышесказанного, репрезентация пермского *вад* на территории Марий Эл представляется маловероятной.

Ойконим *Кужвотнур* состоит из трех основ. Атрибутивная и конечная части легко этимологизируются на почве марийского языка: *куж* < *кужу* ‘длинный’ и *нур* ‘поле’ — это типичные для марийской топонимии компоненты. Заметим, что в старых документах название фиксируется также в виде *Кужеватнурь*. Если предположить, что это более древняя и правильная форма, то основу *-ват-* можно связать с мар. *vate* ‘женщина, жена’ (дальнейшее сужение *a > o* после губно-губного *v* на русской почве вполне ожидаемо). Население деревни было русскоязычным, в ЭСМЯ [2, 146] название сопровождается пометой «обрусевший марийский топоним». Таким образом, название можно истолковать как «Поляна высокой женщины» или «Длинная поляна женщины». Типологически такая модель номинации не чужда марийской топонимии, ср. известные в Горномарийском районе названия *Чуаш вӓтӓ сӓрӓн* — буквально «Поляна чувашской женщины»; *Шонгы вӓтӓ карем* — буквально «Овраг старой женщины» [ГРСГН, 9, 309, 321].

На фоне вышесказанного несостоятельными представляются и выводимые из коми *вад* этимологии топонимов *Водэнер* (*Водонер*), д. и *Вотлаер*, оз. [ГРМЭ, 56, 59].

Что касается названия *Водэнер*, то его атрибутивный компонент соотносится с этнонимом *одо*, который употребляется народом мари по отношению к удмуртам. Еще в XIX в. на отэтнонимный характер топонима *Водэнер* обратил внимание В. К. Магницкий в своей статье, посвященной описанию лексики русского

говора Уржумского уезда (топоним приводится им как *починок Водонерский*) [Магницкий, 1884, 3]. Название укладывается в ареал распространения этнотопонимов с атрибутом *одо*. Марийское *Вүдэнер* [ТРМЭ, 126], которое является поздним переосмыслением топонима *Водэнер*, не может быть свидетельством иноязычности последнего. В ЭСМЯ [2, 126] топоним сопровождается пометой «обрусевшая марийская деревня». Отметим, что компонент *вод-* имеется также в названии речки *Водовойка*, которое объясняется из мар. *одо* [Смирнов, 2013, 23]. Такое объяснение этимологических истоков топонима подтверждается коррелятивным названием к *Водовойка* (*вод* < мар. *одо*): *Паровойка*, где *пар* < удм. *пор* ‘мари’ [ТРМЭ, 258; Смирнов, 2013, 23]. В то же время малоубедительна трактовка звука *о* в топооснове *вод-* как реликта древнеудмуртского вокализма (**вод* > *уд*) [Смирнов, 2013, 23] на фоне большого количества этнотопонимов с атрибутом *од(о)-* < мар. *одо* ‘удмурт, удмуртский’ на северо-востоке Марий Эл. Эпентетический согласный *в* в топонимах *Водэнер* и *Водовойка* находит объяснение в диалектной фонетике вятских говоров⁸, для которых характерна вставка анлаутного *в* [Долгушев, 1998, 259], в том числе перед лабиализованным *о*, ср. *вокно́*, *вон* (*он*), *во́стрый*, *ву́лица*, *ву́хо*⁹.

Полагаем, к одному источнику отсылают топонимы *Вотлаер* (оз.) и *Вотлан* (оз. и бол.). Эти топонимы обнаруживают явные параллели в Чувашии, ср.: д. *Вотланы* (чув. *Вутлан*, Алик.), д. *Вотланы* (Комс.), д. *Вотланы* (Красн.), овр. *Вотлан сьрми* (Алик.), р. *Вутлан (шывё)* (Алик.), пруд *Вутлан пёви* (Канаш.). Основа этих топонимов соотносится с чув. *вутланнӑ* ‘сожженный’ > *вутлан*, т. е. ‘участок земли, освобожденный подсечно-огневым способом’. Чувашские проникновения в топонимии Звениговского района (особенно севернее г. Звенигово) ожидаемы, ср.: д. *Посола* (*Малое Иркино*, Звен.) < чув. *пос*, *посӑ* ‘поле (хлебное)’; *Потла* (*Большое Иркино*, Звен.) < чув. *путлӑх* ‘топь, топкое место’; и др. [Пустяков, 2011, 156, 195]. Заметим, что в последнем примере чувашский гласный *у* в марийском топониме репрезентируется в виде *о*, так же как и в *Вотлан* ~ *Вутлан*, что находит объяснение в исторической фонетике чувашского языка. На территории Чувашии апеллятив *вутлан(нӑ)* в гидронимии встречается — см. выше *Вутлан (шывё)*, *Вутлан пёви*. Как близкий типологически и территориально (Звен.), можно привести пример и из марийской топонимии: бол. *Йӱлем куп* < мар. *йӱлем* ‘гарь, подсека, выжженное место’ и *куп* ‘болото’.

В ряде случаев в научной литературе основы субстратных топонимов возводятся к пермским апеллятивам, возможность обнаружения которых на территории Республики Марий Эл и в южных районах Кировской области сомнительна по причине их позднего заимствования коми языком из прибалтийско-финских языков.

⁸ По сведениям В. К. Магницкого, починок *Водонерский* образован выходцами из Орловского уезда Вятской губернии [Магницкий, 1884, 2–3].

⁹ Примеры из статей В. К. Магницкого (1884) и В. Г. Долгушева (1998).

В качестве примера можно привести гидроним *Кымью* (офиц. *Кумья*), лев. пр. р. Рутка. Составители ТРМЭ считают, что основа топонима восходит к коми *кумава* ‘водоворот’ < *кума* + *ва* [ТРМЭ, 172]. Однако это слово зафиксировано лишь в удорском диалекте [ССКЗД, 179], где отмечается много прибалтийско-финских заимствований [Туркин, 1985, 57; Saarikivi, 2006, 406], хронологически соотносимых с более поздним временем, чем пребывание коми-зырянских племен в Поветлужье.

Сомнительно также возводить гидронимы *Вьйргьизю* (*Вергиза*, прав. пр. р. Арда), *Вьйргьизю* (*Вергеза*, прав. пр. р. Рутка), *Вергеза* (лев. пр. р. Рутка) к коми *вөркась* ‘рысь’ [ТРМЭ, 61–62], где второй компонент является коми заимствованием из прибалтийско-финских языков [Вершинин, 2005, 5].

7. В ы в о д ы

Удмуртская тополексема *шур* на основной территории Республики Марий Эл не фиксируется, лишь единичные удмуртские топонимические факты обнаруживаются на северо-востоке республики. Тополексема *шур* более активна на территории Лебяжского, Советского, Уржумского районов и в левобережье Вятки, а также в нижнем течении Вятки на территории Татарстана. Топонимы с компонентом *шор* в правобережье Вятки (в ареале фиксации удмуртских топонимов с *шур*) могут являться как удмуртскими, так и марийскими. Установлению языковой принадлежности топонимов будет способствовать дальнейший анализ топонимического материала территории Ветлужско-Вятского междуречья с сопутствующим сбором данных и проверкой этимологии географическими реалиями в полевых условиях.

На территории Республики Марий Эл и в сопредельных районах Кировской области не стоит ожидать активности удмуртской топонимической модели с формантом *-вож*. Наибольшая активность тополексема наблюдается в западной диалектной зоне марийского языка с постепенным затуханием активности модели к востоку с единичными случаями фиксации удмуртских топонимов с формантом *-вож* в правобережье Вятки. Значительное большинство названий с формантом *важ* ~ *вож* имеет марийские истоки. Вероятно, структурно-семантическая модель с компонентом *вож* не была активной в удмуртской топонимии в период пребывания удмуртских родоплеменных групп в правобережье Вятки. Исследование топонимов с неясной этимологией должно осуществляться, помимо прочего, с учетом микроареальных особенностей топонимии, что обусловлено, к примеру, поздними чувашскими и татарскими проникновениями в топонимию Марийского края.

- Атаманов М. Г.* Удмуртская ономастика. Ижевск : Удмуртия, 1988.
- Атаманов М. Г.* Удмурт нимбугор. Словарь личных имен удмуртов. Ижевск : Удмурт. ин-т ист., яз. и лит. УрО АН СССР, 1990.
- Атаманов М. Г.* От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. Ижевск : Удмуртия, 2005.
- Атаманов М. Г.* Этногенез удмуртов: роль лингвистики в решении этногенетических проблем // Ежегодник финно-угорских исследований / науч. ред. Н. И. Леонов ; отв. ред. Д. И. Черешня. Ижевск : Удмурт. ун-т, 2011. Вып. 1. С. 27–61.
- Афанасьев А. П.* Топонимия Республики Коми : слов.-справ. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1996.
- Белых С. К.* К вопросу о локализации прародины пермян // Пермский мир в раннем средневековье / отв. ред. А. Г. Иванов. Ижевск : Удмурт. ин-т ист., яз. и лит. УрО РАН, 1999. С. 245–281.
- Вершинин В. И.* Марийско-удмуртские контакты (по данным топонимии Нижнего Прикамья) // Вопросы грамматики и контактирования языков / отв. ред. Г. А. Ушаков. Ижевск : Удмурт. ин-т ист., яз. и лит. УрО АН СССР, 1990. С. 102–110.
- Вершинин В. И.* Словарь марийских топонимов низовья Камы и Вятки. Йошкар-Ола : Стринг, 2005.
- Галкин И. С.* К вопросу о пермской топонимике на территории Марийской АССР // Всесоюзная конференция по финно-угроведению : тез. докл. и сообщ. / отв. ред. Г. К. Бараксанов. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1965. С. 32–34.
- Галкин И. С.* Топонимика Марийского края в связи с происхождением марийского народа // Происхождение марийского народа / отв. за вып. А. С. Патрушев. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1967. С. 203–210.
- Галкин И. С.* Марий ономастика: Краеведлан польш. Йошкар-Ола : Марий книга савыктыш, 2000.
- Гордеев Ф. И.* Историческое развитие лексики марийского языка. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1985.
- ГРСГН — *Васикова Л. П.* Горномарийско-русский словарь географических названий. Йошкар-Ола : Мар. гос. ун-т, 2003.
- Грузов Л. П.* Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1969.
- Долгушев В. Г.* Лексика вятских говоров // Энциклопедия земли Вятской. Т. 8 : Этнография, фольклор / сост. В. А. Поздеев. Киров : Областная писательская организация, 1998. С. 257–266.
- Иванов И. Г.* Марий диалектологий. Университетсье студент-влаклан тунемме книга. Йошкар-Ола : Мар. гос. ун-т, 1981.
- Кириллова Л. Е.* Микротопонимия бассейна Кильмези. Ижевск : Удмурт. ин-т ист., яз. и лит. УрО РАН, 2002.
- Кужлин А. Н.* Названия физико-географических объектов Марийской АССР (с комментариями) // Вопр. марийской ономастики / науч. ред. проф. И. С. Галкин. Йошкар-Ола : Мар. НИИ яз., ист. и лит., 1985. Вып. 5. С. 119–201.
- Кужлин А. Н.* Удмуртские компоненты в названиях марийских селений // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков / отв. ред. Б. Ш. Загуляева и В. К. Кельмаков. Ижевск : Удмурт. ин-т ист., яз. и лит. УрО РАН ; Удмурт. гос. ун-т, 1987. С. 129–133.
- Кужлин А. Н.* Топонимия Волго-Камского региона (историко-этимологический анализ). Йошкар-Ола : МГПИ им. Н. К. Крупской, 1998.
- Кужлин А. Н.* Марийские фитофорные ойконимы и их удмуртские параллели // Пермистика 5. Ижевск : Удм. ун-т, 2002. С. 147–157.
- КЭСКЯ — *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М. : Наука, 1970.
- Магницкий В. К.* Особенности русского говора в Уржумском уезде Вятской губернии // Изв. о-ва археологии, истории и этнографии при Имп. Казан. ун-те. Казань : Тип. Имп. ун-та, 1884. Т. 5. С. 1–73.
- Матвеев А. К.* Методы топонимических исследований : учеб. пособие. Свердловск : УрГУ, 1986.
- Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 1. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001.

- МДС — Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Вып. 1. А–И. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004.
- Новоторьяльский — История сел и деревень Республики Марий Эл. Новоторьяльский район : сб. документальных очерков / под общ. ред. В. М. Буркова. Йошкар-Ола : Ком. Респ. Марий Эл по делам арх. [и др.], 2005.
- НРФ МарНИИЯЛИ — Научный рукописный фонд Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.
- НТС — *Морохин Н. В.* Нижегородский топонимический словарь. Нижний Новгород : Китиздат, 1997.
- Пустяков А. Л.* Названия исчезнувших селений Республики Марий Эл (структурно-семантический и историко-этимологический анализ). Tartu : Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011.
- ПФГЛК — *Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И.* Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск : Карел. науч. центр РАН, 1991.
- Серебрянников Б. А.* Происхождение марийского народа по данным языка // Происхождение марийского народа / отв. за вып. А. С. Патрушев. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1967. С. 165–180.
- Смирнов О. В.* К вопросу о пермском топонимическом субстрате на территории Марий Эл и в бассейне среднего течения реки Вятки (в свете этнической интерпретации археологических культур). 1 // *Вопр. ономастики*. 2013. № 2 (15). С. 7–59.
- ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / сост. Т. И. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Сорвачева. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1961.
- ТРМЭ — *Воронцова О. П., Галкин И. С.* Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола : Изд-во Мар. полиграфкомбината, 2002.
- Туркин А.* Современный коми язык: лексикология. М. : Наука, 1985.
- ЭСМЯ — *Гордеев Ф. И.* Этимологический словарь марийского языка : в 2 т. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1979–1983.
- Beke Ö.* Mari nyelvjárás szótár = Tscheremissisches Dialektwörterbuch. Bd. 3 : k (γ, G). Szombathely : Savaria Univ. Press, 1997; Bd. 7 : š. Szombathely : Savaria Univ. Press, 2007.
- Bereczki G.* Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte. Bd. 1–2. Szeged : Univ. Szegediensis de Attila József, 1992– (Uralo-altaica 34, 35).
- Csúcs S.* Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest : Akadémiai Kiadó, 2005.
- EWT — *Bereczki G.* Etymologisches Wörterbuch des Tscheremissischen (Mari). Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2013.
- Pitkänen R. L.* Turunmaan saariston suomalaisen lainanimistö. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1985.
- Rahkonen P.* The linguistic Background of the Ancient Mechchera Tribe and Principal Areas of Settlement. // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. Bd. 60 (2009). Heft 1–3. P. 160–200.
- Saarikivi J.* Kontaktlähtöinen kieltenmuutos, substraatti ja substraattinimistö // *Virittäjä* 3. Helsinki, 2006. S. 393–415.
- Saarikivi J.* On the Uralic substrate toponymy of Arkhangelsk region: Problems of research methodology and ethnohistorical interpretation // *Onomastica Uralica*. 2007. № 4. P. 45–109.
- Sammallahti P.* Historical phonology of the Uralic languages // *The Uralic languages. Description, history and foreign influences* / ed. by D. Sinor. Leiden ; New York ; København ; Köln : Brill, 1988.
- SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7 / toim. E. Itkonen, A. J. Joki, R. Peltola. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1955–1981.
- UEW — *Rédei K.* Uralisches etymologisches wörterbuch. Bd. 1–3. Weisbaden : Otto Harrassowitz, 1986–1991.

Рукопись поступила в редакцию 24.04.2014 г.

* * *

Пустьяков Александр Леонидович

PhD, Университет Хельсинки
 PL 24, 00014 (Unioninkatu 40)
 Helsingin yliopisto, Финляндия;
 тел. +358 46 893 2518
 E-mail: esmenek@gmail.com

Pustyakov, Alexander Leonidovich

PhD, University of Helsinki
 PL 24, 00014 (Unioninkatu 40)
 Helsingin yliopisto, Finland
 tel. +358 46 893 2518
 E-mail: esmenek@gmail.com

ON THE DIFFERENTIATION OF MARI AND PERMIC PLACE NAMES IN THE VETLUGA-VYATKA INTERFLUVE AREA

The article presents an analysis of place names of the Vetluga-Vyatka interfluve area containing lexemes that can be of either Mari or Permian origin. The paper focuses on the roots *shVr*, *vazh* ~ *vozh* which are frequent in the toponymy of the area, and some names including the lexical component *vad* / *vod* / *vot*. The author establishes the linguistic attribution of the place names in question and suggests possible etymologies for the roots, determiners and names on the whole. In addition to the etymological analysis, the author shows the importance of some general and special principles of toponymic studies as applied to the differentiation of Mari and Permian place names of the Vetluga-Vyatka interfluve area. The author concludes that among the place names containing the component *shVr* there are those of both Mari and Permian origin, the latter being concentrated in the North-East of the Republic of Mari-El and in the adjacent districts of Kirov region. The author argues that the root *vozh* was not active in Udmurt toponymy when Udmurt clan groups lived on the right bank of the Vyatka. The article also suggests new hypotheses concerning the origin of some place names containing *vad* / *vod* / *vot* which used to be explained referring to the Komi language.

Key words: Mari language, Permian languages, substrate, place names, toponyms, Vetluga-Vyatka interfluve area, Mari-El, Kirov region, etymology.

- Afanasyev, A. P. (1996). *Toponimiia Respubliki Komi. Slovar'-spravochnik* [Toponymy of the Komi Republic: A Reference Dictionary]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo.
- Atamanov, M. G. (1988). *Udmurtskaia onomastika* [Udmurt Onomastics]. Izhevsk: Udmurtiia.
- Atamanov, M. G. (1990). *Udmurt nimbugor = Slovar' lichnykh imen udmurtov* [A Dictionary of Udmurt Personal Names]. Izhevsk: Udmurt. in-t istorii, iazyka i literatury UrO AN SSSR.
- Atamanov, M. G. (2005). *Ot Dondykara do Ursygart. Iz istorii udmurtskikh regionov* [From Dondikart to Ursygart. From the History of Udmurt Regions]. Izhevsk: Udmurtiia.
- Atamanov, M. G. (2011). *Etnogenez udmurtov: rol' lingvistiki v reshenii etnogeneticheskikh problem* [Ethnogeny of Udmurts: Role of Linguistics in Solving Ethnogenetic Problems]. In D. I. Cheresniaia (Ed.), *Ezhgodnik finno-ugorskikh issledovanii* [Yearbook of Finno-Ugric Studies] (Issue 1, pp. 27–61). Izhevsk: Udmurt University.
- Beke, Ö. (1997–2001). *Mari nyelvjárás szótár = Tscheremissisches Dialektwörterbuch* [The Mari Dialectal Dictionary]. (Vols. 1–9). Szombathely: Savaria University Press.
- Belykh, S. K. (1999). *K voprosu o lokalizatsii prarodiny permian* [On the Localization of the Permian Urheimat]. In A. G. Ivanov (Ed.), *Permskii mir v rannem srednevekov'e. Sbornik nauchnykh statei*

- [The Permic World in the Early Middle Age. A Collection of Articles] (pp. 245–281). Izhevsk: Udmurt. in-t istorii, iazyka i literatury UrO RAN.
- Bereczki, G. (1992–1994). *Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte* [The Elements of the History of the Mari Language]. (Vols. 1–2). Szeged: Universitas Szegediensis de Attila József.
- Bereczki, G. (2013). *Etymologisches Wörterbuch des Tscheremissischen (Mari)* [An Etymological Dictionary of the Mari Language]. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Burkov, V. M. (Ed.). (2005). *Novotor'ial'skii raion: Sbornik dokumental'nykh ocherkov* [Novotoryalsky District: A Collection of Documentary Essays]. Yoshkar-Ola: Kom. Resp. Marii El po delam arkh.
- Csúcs, S. (2005). *Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache* [A Reconstruction of the Permic Proto-Language]. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Dolgushev, V. G. (1998). Leksika viatskikh govorov [The Vocabulary of Vyatka Dialects]. In V. A. Pozdeev (Ed.), *Entsiklopedija zemli Viatskoi. Etnografii, fol'klor* [The Encyclopedia of the Vyatka Region. Ethnography and folklore] (Vol. 8, pp. 257–266). Kirov: Oblastnaia pisatel'skaia organizatsiia.
- Galkin, I. S. (1965). K voprosu o permskoi toponimike na territorii Mariiskoi ASSR [On the Permic Toponymy on the Territory of the Mari Republic]. In G. G. Baraksanov (Ed.), *Vsesoiuznaia konferentsiia po finno-ugrovedeniiu (Tezisy dokladov i soobshchenii)* [The All-Union Conference for Finno-Ugric Studies. Abstracts] (pp. 32–34). Syktyvkar: Komi kn. izd-vo.
- Galkin, I. S. (1967). Toponimika Mariiskogo kraia v sviazi s proiskhozhdeniem mariiskogo naroda [The Toponymy of Mari-El and the Origin of the Mari People]. In A. S. Patrushev (Ed.), *Proiskhozhdenie mariiskogo naroda* [The Origin of the Mari People] (pp. 203–210). Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo.
- Galkin, I. S. (2000). *Marii onomastika: Kraevedlan polysh* [The Mari Onomastics. A Handbook of Regional Studies]. Yoshkar-Ola: Marii kniga savyktysh.
- Gordeev, F. I. (1979–1983). *Etimologicheskii slovar' mariiskogo iazyka* [An Etymological Dictionary of the Mari Language]. (Vols. 1–2). Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo.
- Gordeev, F. I. (1985). *Istoricheskoe razvitie leksiki mariiskogo iazyka* [The History of the Mari Language Vocabulary]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo.
- Gruzov, L. P. (1969). *Istoricheskaiia grammatika mariiskogo iazyka. Vvedenie i fonetika* [The Historical Grammar of the Mari Language. Introduction and Phonetics]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo.
- Itkonen E., Joki A. J., Peltola R. (Eds.). (1955–1981). *Suomen kielen etnologinen sanakirja* [An Etymological Dictionary of the Finnish Language]. (Vols. 1–7). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Ivanov, I. G. (1981). *Marii dialektologii. Universitetyse student-vlaklan tunemme kniga* [A Handbook of the Mari Language Dialectology]. Yoshkar-Ola: Mar. gos. un-t.
- Kirillova, L. E. (2002). *Mikrotoponimiia basseina Kil'mezi* [Microtoponymy of the Kilmez Basin]. Izhevsk: Udmurt. in-t istorii, iazyka i literatury UrO RAN.
- Kuklin, A. N. (1985). Nazvaniia fiziko-geograficheskikh ob'ektov Mariiskoi ASSR (s kommentariiami) [Geographic Names of the Mari Republic]. In I. S. Galkin (Ed.), *Voprosy mariiskoi onomastiki* [Issues in the Mari Onomastics]. (Issue 5, pp. 119–201). Yoshkar-Ola: Mariiskii NII iazyka, istorii i literatury.
- Kuklin, A. N. (1987). Udmurtskie komponenty v nazvaniikh mariiskikh selenii [Udmurt Components in the Mari Settlement Names]. In B. Sh. Zaguliaeva, & V. K. Kelmakov (Eds.), *Permistika: Voprosy dialektologii i istorii permiskikh iazykov. Sbornik statei* [Permian Studies. Dialectology and History of the Permian Languages. A Collection of Articles] (pp. 129–133). Izhevsk: Udmurt. in-t istorii, iaz. i lit. UrO RAN, Udmurt. gos. un-t.
- Kuklin, A. N. (1998). *Toponimiia Volgo-Kamskogo regiona (istoriko-etimologicheskii analiz)* [The Volga-Kama Region Toponymy (A Historical and Etymological Analysis)]. Yoshkar-Ola: Mari State Pedagogical University Press.
- Kuklin, A. N. (2002). Mariiskie fitofornye oikonimy i ikh udmurtskie paralleli [Mari Phytophoric Settlement Names and Their Udmurt Parallels]. *Permistika 5: Sbornik statei* (pp. 147–157). Izhevsk: Udmurt. gos. un-t.

- Lytkin, V. I., & Guliaev, E. S. (1970). *Kratkii etimologicheskii slovar' komi iazyka* [A Concise Etymological Dictionary of the Komi Language]. Moscow: Nauka.
- Magnickii, V. K. (1884). Osobennosti russkogo govora v Urzhumskom uezde Viatskoi gubernii [On the Specificity of the Russian Dialect of Urzhumsky District of Vyatka Region]. In *Izvestiia obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete*. (Vol. V, pp. 1–73). Kazan': Tipografiia Imper. un-ta.
- Mamontova, N., & Mullanen, I. (1991). *Pribaltiisko-finskaia geograficheskai leksika Karelii* [Karelian Balto-Fennic Geographic Vocabulary]. Petrozavodsk: Karel. nauch. centr RAN.
- Matveyev, A. K. (1986). *Metody toponimicheskikh issledovani: Uchebnoe posobie* [Methods of Toponymic Research. A Handbook]. Sverdlovsk: UrGU.
- Matveyev, A. K. (2001–2007). *Substratnaia toponimiia Russkogo Severa* [Substrate Toponymy of the Russian North]. (Vols. 1–3). Ekaterinburg: Ural University Press.
- Matveyev, A. K. (Ed.). (2004). *Materialy dlia slovaria finno-ugro-samodiiskikh zaimstvovani v govorakh Russkogo Severa* [Materials for a Dictionary of Finno-Ugro-Samoyedic Loanwords in the Dialects of the Russian North]. (Vol. 1. A–I). Ekaterinburg: Ural University Press.
- Morohin, N. V. (1997). *Nizhegorodskii toponimicheskii slovar'* [The Toponymic Dictionary of Nizhny Novgorod Region]. Nizhny Novgorod: Kitizdat.
- Pitkänen, R. L. (1985). *Turunmaan saariston suomalainen lainanimistö* [Finnish Loan Toponymy of the Turku Archipelago]. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Pustyakov, A. L. (2011). *Nazvaniia ischeznuvshikh selenii Respubliki Marii El (strukturno-semanticheskii i istoriko-etimologicheskii analiz)* [Place Names of Extinct Settlements in the Republic of Mari El (An Analysis of the Structure, Semantics, Etymology and History of the Names)]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.
- Rahkonen P. (2009). The Linguistic Background of the Ancient Mechchera Tribe and Principal Areas of Settlement. *Finnisch-Ugrische Forschungen*, 60, 160–200.
- Rédei, K. (1986–1991). *Uralisches etymologisches wörterbuch* [An Etymological Dictionary of the Uralic Languages]. Weisbaden: Otto Harrassowitz.
- Saarikivi, J. (2006). Kontaktilähtöinen kielenmuutos, substraatti ja substraattinimistö [Contact-Induced Linguistic Change, Linguistic Substrate and Substrate Place Names]. *Virittäjä*, 3, 393–415.
- Saarikivi, J. (2007). On the Uralic Substrate Toponymy of Arkhangelsk Region: Problems of Research Methodology and Ethnohistorical Interpretation. *Onomastica Uralica*, 4, 45–109.
- Sakharova, M. A., Sorvacheva, V. A., & Zhilina, T. I. (Eds.). (1961). *Sravnitel'nyi slovar' komi-zyrianskikh dialektov* [A Comparative Dictionary of the Komi-Zyryan Dialects]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo.
- Sammalahti, P. (1988). Historical phonology of the Uralic languages. In D. Sinor (Ed.), *The Uralic languages. Description, history and foreign influences*. Leiden; New York; København; Köln: Brill.
- Serebrennikov, B. A. (1967). Proiskhozhdenie mariiskogo naroda po dannym iazyka [The Origin of the Mari People According to Linguistic Data]. In A. S. Patrushev (Ed.), *Proiskhozhdenie mariiskogo naroda* [The Origin of the Mari People] (pp. 165–180). Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo.
- Smirnov, O. V. (2013). K voprosu o permskom toponimicheskome substraate na territorii Marii El i v basseine srednego techeniia reki Viatki (v svete etnicheskoi interpretatsii arheologicheskikh kul'tur). 1 [On the Permian Toponymic Substrate in Mari El and the Middle Course of the Vyatka River (In the Light of Ethnic Interpretation of Archaeological Cultures). 1]. *Voprosy onomastiki*, 2(15), 7–59.
- Turkin A. (1985). *Sovremennyi komi iazyk: leksikologiya* [The Contemporary Komi Language: Lexicology]. Moskva: Nauka.
- Vasikova, L. P. (2003). *Gornomariisko-russkii slovar' geograficheskikh nazvani* [The Hill Mari-Russian Dictionary of Geographic Names]. Yoshkar-Ola: Mar. gos. un-t.
- Vershinin, V. I. (1990). Mariisko-udmurtskie kontakty (po dannym toponimii Nizhnego Prizam'ia) [The Mari-Udmurt Contacts (With Reference to the Toponymy of the Low Kama Region)]. In G. A. Ushakov (Ed.), *Voprosy grammatiki i kontaktirovaniia iazykov: Sbornik statei* [Issues

- in Grammar and Language Contacts. A Collection of Articles] (pp. 102–110). Izhevsk: Udmurt. in-t istorii, iazyka i literatury UrO AN SSSR.
- Vershinin, V. I. (2005). *Slovar' mariiskikh toponimov nizov'ia Kamy i Viatki* [A Dictionary of Mari Toponyms of the Lower Kama and Vyatka]. Yoshkar-Ola: String.
- Vorontsova, O. P., & Galkin, I. S. (2002). *Toponimika Respubliki Marii El: Istoriko-etimologicheskii analiz* [Toponymy of Mari-El: A Historical and Etymological Analysis]. Yoshkar-Ola: Izd-vo Mar. poligrafkombinata.

Received 24 April 2014